

Дианне Нова и Джули Лерер

ПРОЛОГ

В Брайтон-Хиллз никогда ничего не происходит. Во всяком случае, ничего такого, что можно заметить. Все случается за закрытыми дверями и произносится шепотом, бурлит в водовороте слухов и косых взглядов, хотя поверхность остается зеркально гладкой. А под ней — отчаявшиеся жены, которые предпочитают не замечать интрижки своих мужей, чтобы одеваться в «Гуччи» и носить сумки «Биркин», и мужа, покупающие у старшеклассников дурь, чтобы хоть немного расслабиться и продержаться на выматывающей душу, ненавистной работе.

Под ней Эбби Розен, чья няня украла бриллиант в три карата и продала его, подменив на циркон, о чем Эбби так никогда и не узнала. Под ней Мартин Лэндри, сбежавший с семнадцатилетней падчерицей. В этом одиноком, непостижимом месте миллион подобных историй. Кто знает, какие из них правдивы? Люди выглядят слишком блеклыми и пластиковыми, чтобы вызывать интерес, но за вылизанным фасадом и впрямь что-то проис-

ходит. Когда идешь по улицам Брайтон-Хиллз, понимаешь, какие они зеленые, опрятные и... лживые. Люди вежливые, и здесь всегда так тихо, однако в эту ночь случилось очень громкое событие.

Калев просто хотел поговорить, но вместо этого он заорал, давясь слезами: ему требовалась помощь. Дождь лил как из ведра, и пришлось перекрикивать гром, но Калев не пытался угрожать. Просто так прозвучало. И стоя перед машиной под дождем, он молил сидящего внутри человека о понимании. Извинялся, но этого все равно было мало.

Кажется, прозвучал выстрел. Кто стрелял? Калев словно находился вне собственного тела и не мог понять, что произошло на самом деле.

Он лишь видел, как в темноте стремительно надвинулись яркие фары. Человек за рулем нажал на газ, по мокрому асфальту завизжали шины, устремившись к Калебу. Бежать времени не было, все случилось слишком быстро. Он ощутил, как бампер всем чудовищным весом врезался в бедро, подбросив его в воздух.

Калеба впечатало в землю с такой силой, что даже не подскочила голова. Он почувствовал, как треснул череп, а потом у затылка собралась теплая лужица крови. Темные струи дождя заливали лицо, и он закрыл глаза, говоря себе, что все будет хорошо, он не умрет. Когда машина уехала, появилась другая — видимо, въезжала в квартал, и Калев решил, что ему помогут. Он верил, что его еще

можно спасти. Машина притормозила. Они остановились, чтобы помочь! Хлопнули дверцы, и он услышал голоса двух человек, мужской и женский.

— Боже мой! — вскрикнула женщина. — Звони... Ох, господи, позови кого-нибудь на помощь!

Как раз в этот момент завывли сирены, замелькали огни, а значит, к нему уже едут!

— Лучше отсюда убраться, — произнес мужчина.

— Что?!

Женщина опустилась на колени перед Калесом, он хотел протянуть к ней руку, но не сумел. Мужчина оттащил свою спутницу.

— Кто-нибудь ему поможет. Нам лучше уехать.

Калес чувствовал, как она колеблется, но вдруг понял, что ее уже нет. Машина уехала. В уголках его глаз собрались слезы, но их смыл дождь. Может, соседи услышали выстрел и вызвали полицию? Они наверняка уже едут. Он ждал, такой одинокий, дрожа от проникающего сквозь одежду холода.

— Прости, — прошептал Калес, но умер, так и не дождавшись помощи.

Пейдж поливает бархатцы в палисаднике и удивляется тому, какие они уродливые. Эти оранжевые, как мякоть батата, цветы напоминают диван 1970-х годов, и она вдруг начинает их ненавидеть. Пейдж нагибается, желая вырвать их с корнем, и удивляется, зачем вообще посадила такое уродство рядом с идеальной перовской, и тут у нее перехватывает дыхание от воспоминаний. Пикник на День матери, когда Калеб был в шестом классе. Какой-то идиот надолго оставил картофельный салат на солнце, и Калеб отравился. Все дети выбрали цветы в подарок маме, и хотя Калеба рвало майонезом, он настоял на том, чтобы тоже выбрать цветок. Он с гордостью вручил матери цветы в маленьком пластиковом горшочке, и она пообещала посадить их во дворе, чтобы всегда любоваться этими особенными бархатцами. Как она могла забыть?

К горлу подступают слезы, но Пейдж их проглатывает. Подбегает ее такса Кристофер и обнюхивает руку: он всегда чувствует, когда хозяйка вот-

вот расплатится, а после смерти Калеба это происходит постоянно. Пейдж целует пса в макушку и смотрит на теперь уже прекрасные бархатцы. Ее отвлекает мальчишка, разносящий газеты, — он въезжает на велосипеде в тупиковый переулок и бросает свернутую газету прямо в спину малышу Кристоферу.

— Чокнутый урод! — вопит Пейдж, подсакивая, и швыряет газету обратно в мальчишку. Газета попадает ему прямо в голову и сшибает с велосипеда.

— Леди, вы совсем свихнулись? — выкрикивает он, забираясь обратно на велосипед.

— Это я-то свихнулась? Ты чуть не прибил мою собаку! Смотреть надо, куда кидаешь!

Он корчит рожу и налегает на педали, но Пейдж хватает шланг и поливает мальчишку, пока достает струей.

— Ах ты, говнюк мелкий! — кричит она ему вслед.

Через полчаса к ней в дверь звонит полиция, но Пейдж не открывает. Она сидит на заднем дворе, пьет кофе из кривой керамической кружки, на которой маленькими пальчиками вырезано слово «мама». Пейдж гладит Кристофера по голове, смотрит, как по кирпичной стене гаража вьется плющ, и гадает, насколько это опасно для фундамента. Когда она снова слышит звонок, то кричит:

— Я не собираюсь к вам выходить! Если вам надо поговорить со мной, я на заднем дворе.

Она с удовольствием заставляет полицейских обогнуть дом и надеется, что по пути в них вопьется ядовитый сумах.

— Доброе утро, миссис Моретти,— здороваются женщина-коп по фамилии Эрнандес.

Затем в разговор вступает белый. Пейдж терпеть его не может. Миллер. Ну конечно, послали Миллера с этими жуткими усами. Он больше похож на педофила, чем на полицейского. Как кто-то может воспринимать его всерьез?

— Поступила жалоба,— говорит он.

— Правда? А других дел у вас нет? Посерьезнее? — спрашивает Пейдж, по-прежнему лаская собаку и не глядя на полицейских.

— Вы напали на пятнадцатилетнего паренька.

— Ничего подобного,— огрызается она.

Эрнандес садится напротив нее:

— Может, расскажете, что произошло?

— А если не расскажу, вы меня арестуете? — спрашивает она, и полицейские молча переглядываются.

Пейдж ничего не может прочитать по их лицам.

— Его родители не хотят выдвигать обвинений, потому что...

Пейдж не отвечает. Потому что жалеют ее, нет нужды разъяснять.

— Мы не можем постоянно приходить сюда по таким поводам, Пейдж,— говорит Миллер.

— Вот и хорошо,— твердо произносит Пейдж.— Может, у вас появится время, чтобы заняться настоящей работой и узнать, кто убил моего сына.

Эрнандес встает.

— Вы же знаете, что не мы расследуем дело...

Но прежде чем Эрнандес успевает закончить фразу, Пейдж прерывает ее, не желая слышать оправдания:

— И может, предъявите обвинение идиоту, который чуть не убил мою собаку. Как вам такое, а?

Не дожидаясь ответа, Пейдж встает и идет в дом. Она слышит, как полицейские о чем-то бормочут между собой по пути к выходу. Пейдж не может сдержаться или вести себя любезнее. Раньше она была доброй, но теперь мозг словно перепрограммировали. Там, где раньше обитало сочувствие, поселилась защитная реакция. Даже полицейская форма вызывает раздражение, напоминая о той ночи, а красные мигающие огни — словно кошмарные стробоскопы¹ из кинофильма. Из фильма ужасов, а не из реальной жизни. Ведь это не может происходить в реальности. Пейдж по-прежнему не желает с этим смириться.

Люди в форме говорят с ней снисходительно и отстраненно, называют «мэм» и задают глупые вопросы. От одного их вида всплывают прежние сожаления. Непонятно, почему так происходит, но при виде полицейской формы она возвращается к той ночи и сожалеет об упущенных возможностях — как многое она не успела сделать с Калембом, — и горюет о времени, проведенном вместе.

¹ Стробоскоп — прибор, воспроизводящий яркие световые импульсы.

Материализуются фрагменты воспоминаний: например, когда ему было шесть, он захотел пони из мультика «Дружба — это чудо». Она была розовой, с фиолетовыми цветами в гриве, и Пейдж не купила игрушку, чтобы его не высмеяли в школе. А теперь ругает себя за это.

Она старается не думать о том, как заснула на диване, когда они вместе смотрели «Ох уж эти детки!». Кaleb был тогда совсем малышом, и Пейдж проснулась от его крика, потому что он упал с дивана и ударился головой о журнальный столик. Он не пострадал, но могло быть и хуже. Кaleb мог засунуть палец в розетку, продавить сетку в окне, упасть со второго этажа и разбиться насмерть или выпить отбеливателя, стоящего под раковиной! Когда Пейдж вспоминает об этом, то немедленно встает и делает глубокий выдох, чтобы стряхнуть с себя стыд. В тот день из-за ее неосторожности Кaleb мог умереть. Она так и не рассказала Гранту. Однажды она поделилась переживаниями с Корой, и та сказала, что с каждым родителем случается нечто подобное, такова жизнь. Люди засыпают. Но Пейдж так и не простила себя. Она любила Калеба больше жизни, а теперь сомнения и сожаления врываются в ее мысли. Пейдж постоянно чувствует себя несчастной и встревоженной.

Она не сидела дома, как Кора, а практически жила в ресторане. Пейдж управляла им много лет. Кaleb рос, делая домашние задания в комнате отдыха рядом с кухней, помогал вытирать столы и разносил меню. И похоже, ему это нравилось.

После школы он не смотрел целый день телевизор, а общался с новыми людьми, многому учился. А может, она твердит это себе, только чтобы облегчить чувство вины? Может, ему было бы лучше вести обычную жизнь? Когда в первый день в детском саду Калев вцепился в ее ногу, надо ли было заставлять его идти? Стоило ли позволять ему столько раз менять специальность в колледже? Был ли он счастлив? Правильно ли она его воспитывала?

И откуда на месте трагедии взялся пистолет? Может, Калев попал в беду? Были ли у него друзья, о которых она не знала? Пейдж считала, что сын рассказывал ей обо всем. Они были близки. Но вдруг это не так?

Подойдя к кухонному окну, чтобы поставить чашку, она видит, как подъезжает Грант. Еще не выйдя из машины, он качает головой при виде коп.

Он не упоминает о встрече с полицейскими, когда входит в дом. Просто молча наливает кофе и выходит в сад, куда поспешно скрылась Пейдж. Грант протягивает ей «Таймс», оставляя себе только страницу с кроссвордом, и склоняется над ним в очках.

Грант молчит, пока к нему не подбегает с приветствиями Кристофер.

— Кто хочет печенючку? — ласково спрашивает он, достает из кармана рубашки печенье для собак и улыбается, глядя, как малыш Кристофер его поглощает.